

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТИ

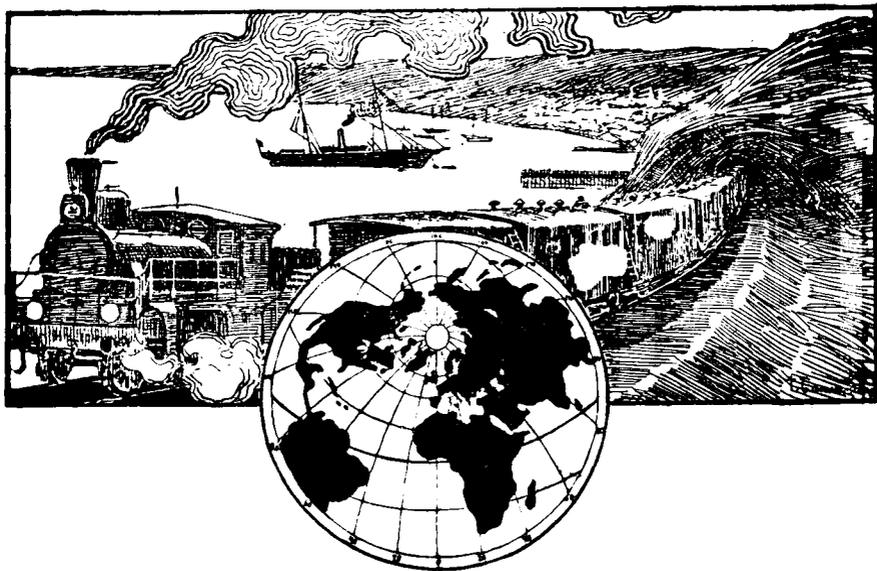

№ 11 ↔ НОЯБРЬ ↔ 1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1912.

ОТЪ АЛАЙСКОЙ ДОЛИНЫ ДО МАРГЕЛАНА.

(Изъ путевыхъ очерковъ по Средней Азии).

Г л а в а I.

Дорауль-Кургань.—Киргизское коневодство.

Намъ съ докторомъ N предстояло проѣхать въ Маргеланъ изъ урочища Дорауль-Кургань, которое считается за начало Алайской долины со стороны Ферганской области.

Нѣсколько кибитокъ около рѣки съ загородками для скота и нѣсколькими тощими деревьями, запорошенными снѣгомъ, не давали возможности сдѣлать какое-либо заключеніе объ этомъ мѣстѣ, а потому оно мелькнуло передъ глазами, не оставивъ почти никакого впечатлѣнія. Втянувшись въ боковое ущелье, мы вмѣстѣ съ тѣмъ выѣхали изъ Алайской долины, слѣдуя долгое время по дну какой-то рѣченки, вода которой журчала изъ-подъ снѣга.

То держась одного изъ береговъ, то переправляясь черезъ воду и преодолевая ея небольшую глубину, мы все же благодаря брызгамъ, летѣвшимъ изъ-подъ копытъ лошадей, порядочно промокли, когда подѣхали къ перевалу.

Скользя по узкой тропѣ, извилинами поднимавшейся вверхъ, на перевалѣ насъ встрѣтилъ жестокой сѣверный вѣтеръ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ превратившій наше мокрое платье въ ледяныя брони, стучавшія при каждомъ движеніи.

Совершенно незамѣтно для глаза мы поднимались все выше и выше и невдалекѣ отъ урочища Какъ-Сай уже достигли вновь серьезной высоты 12-ти тысячъ футовъ. Дорога сдѣлалась труднѣе и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невольно вспомнилась крутизна хребта Петра Великаго.

Заросли довольно большого лѣса съ разбросанными по склонамъ горы огромными камнями и ущельями дѣлали горный ландшафтъ очень красивымъ.

Сѣрые мрачные утесы поднимались вверхъ, образуя до крайности дикую картину.

Сдѣлавъ привалъ у урочища Лянгара и обогрѣвшись около разложеннаго костра, мы довольно долго отдыхали, сушились и закусывали трофеями охоты—куропатками, жаренными на вертелѣ. Заманчивый запахъ далеко разносился по окрестностямъ и, сдѣлавъ по тяжелой, трудной дорогѣ почти сорокъ верстъ, мы накинулись на это вкусное блюдо.

Порою намъ на рѣкѣ попадались небольшіе водопады, на которыхъ вода съ шумомъ неслась между камнями, унося съ собою массу снѣга, падаваго съ боковъ ущелья. Очень крутые спуски и подъемы при стремительно бѣжавшей водѣ рѣки придавали суровый видъ этой горной долинѣ, протянувшейся на нѣсколько десятковъ верстъ.

Шагъ за шагомъ мы снова осторожно двигаемся, на каждой тропѣ ежеминутно рискуя поскользнувшись слетѣть съ довольно большой высоты.

— Однако, не даромъ говорятъ, что Исфайрамское ущелье одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ, сказалъ докторъ.

Жаль только мы его не видѣли въ полномъ цвѣту лѣтомъ или весною, тогда, вѣроятно, оно особенно привлекательно. Принявъ же во вниманіе, что по склонамъ горъ здѣсь встрѣчаются пашни можно съ увѣренностью сказать, что всѣ эти мѣста, какъ нельзя больше подходятъ къ условіямъ жизни великороссовъ, изъ средней Россіи.

Непонятно, почему до сихъ поръ не обращено совершенно никакого вниманія на долины и предгорья Алайскаго и другихъ Памирскихъ хребтовъ, въ которыхъ, не говоря уже объ огромной

Алайской долины, есть большія пространства вполне пригодныя для земледѣлія и вполне удобныя для водворенія русскихъ переселенцевъ, которыхъ въ сущности снѣжными зимами при морозахъ лишь въ 10—12 градусовъ не испугаешь, а потому, разумѣется, они бы легко приспособились къ жизни на этой безлюдной окраинѣ.

Говорить же о томъ, что распашка площадей, нынѣ служащихъ для кочевкоу киргизъ, нарушаетъ ихъ интересы, по меньшей мѣрѣ, странно, такъ какъ кочевая жизнь, являющаяся первобытною формою человѣческаго существованія, силою вещей должна прекратиться, уступивъ мѣсто болѣе культурной формѣ—осѣдлости и, такимъ образомъ, съ приходомъ земледѣльца вполне логично кочевнику необходимо уступить ему мѣсто и самому также перейти въ число осѣдлыхъ, а тогда, разумѣется, всѣмъ земли хватить съ избыткомъ.

— Но позвольте, вѣдь это невозможно выполнить въ короткій срокъ, попробоваль я оппонировать доктору.

— Полноте, у насъ уже въ Семирѣчьи есть рядъ примѣровъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили одни лишь кочевники киргизы, жаловавшіеся на недостатокъ у нихъ земли, оказалось возможнымъ устроить русскіе поселки, выдѣливъ подъ нихъ часть пастбищъ, а послѣ этого, черезъ нѣсколько лѣтъ, уже почти всѣ киргизы превратились въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, почти уничтоживъ свои табуны.

Здѣшнее же коневодство никакой почти пользы государству принести не можетъ, такъ какъ, не имѣя хорошихъ производителей, киргизское табунское коневодство выработало мелкую непородную лошадь, не могущую быть взятою ни въ армію, ни даже служить рабочею силою для земледѣльца.

Держать же эти табуны для кумыса, для мяса, кожи, да еще выручаютъ небольшой доходъ, продавая по 20—25 рублей лошадь на туземныхъ базарахъ.

Состоя много лѣтъ въ комиссіяхъ по покупкѣ ремонтныхъ лошадей и зная всѣ условія коневодства, я невольно долженъ былъ согласиться съ этими заключеніями.

Киргизская лошадь Восточной Бухары и Алайской долины давно уже сильно измельчала, благодаря отсутствію притока чистопородной крови, при помощи производителей. Общій упадокъ коневодства во всемъ Туркестанѣ особенно сильно отразился на нѣкоторыхъ районахъ, вырабатывавшихъ въ прежнее время отличныхъ

лошадей. И вслѣдствіе многихъ крайне неблагоприятныхъ условий лошади Ура-Тюбинскія и Сандзарскія исчезли почти совершенно. Знаменитые же туркменскіе аргамаки настолько рѣдки и дороги, что представляютъ собою какой-то мифъ, о которомъ не можетъ мечтать даже богатый коневодъ, а про средняго и говорить нечего.

Персидскіе, турецкіе и арабскіе жеребцы, которые прежде приводились паломниками, при возвращеніи изъ Мекки, вслѣдствіе совершенія ими нынѣ этого путешествія по желѣзной дорогѣ, не приводятся вовсе. И если къ этому прибавить, что подарки жеребцами, которые жаловались многимъ туземцамъ кокандскими ханами и бухарскими эмирами изъ числа приводившихся изъ Турціи, Персіи и Аравіи, дававшіе возможность улучшать породу, также давно прекратились, а афганскій эмиръ запретилъ выводить жеребцовъ изъ Афганистана, то станетъ вполне понятнымъ, что достать производителей негдѣ.

Убѣдившись въ достоинствахъ англо-аравовъ и англійскихъ кровныхъ лошадей, нѣкоторые богатые бои, хотя и мечтаютъ о нихъ, но достать лошадей этихъ породъ за неприводомъ ихъ въ Фергану также почти невозможно.

Такимъ образомъ, единственнымъ средствомъ, могущимъ улучшить киргизское коневодство, явится устройство случныхъ конюшенъ въ Ново-Маргеланѣ, Ошѣ и Алайской долинѣ и въ г. Кулябѣ и Гиссарѣ, причемъ въ первыхъ трехъ пунктахъ это должно бы взять на себя государственное коннозаводство, а въ послѣднихъ двухъ городахъ необходимо настоятельное представленіе бухарскому эмиру, съ разработкою всего вопроса улучшенія коневодства во всемъ бухарскомъ ханствѣ и учрежденіемъ случныхъ конюшенъ и въ другихъ городахъ ханства, а именно: Чарджуѣ, Бурдалыкѣ, Хатырчахъ, Беркахъ, Каршахъ, Шахрисябсѣ, Ширабадѣ, Кермине, Дайну, Нуратѣ, Курганъ-Тюбе и Бальджуанѣ, что можетъ не только поддержать падающее коневодство въ ханствѣ, но и создастъ вновь богатый конскій районъ, откуда могутъ получаться прекрасныя лошади въ ремонты кавалеріи, при условіи учрежденія постоянной ремонтной комиссіи въ Самаркандѣ.

Глава II.

Преданіе о Соломонѣ.

Пробираясь по узкой тропинкѣ, пролежавшей параллельно стремительно несшимся водамъ рѣки, глубоко ушедшей между скали-

стыхъ и обрывистыхъ береговъ, мы буквально ползли этотъ трудный переходъ. Лошади переступали нога за ногу, скользя по глинистой размягченной почвѣ.

Небольшіе водопады своимъ шумомъ нарушали тишину, разнообразя своимъ видомъ дорогу.

Густые кустарники покрывали склоны ущелья, образуя значительныя заросли, среди которыхъ кое-гдѣ поднимались отдѣльныя деревья, а мѣстами и цѣлыя куртины.

Животрепещущіе мостики, переброшенные черезъ рѣку, попадались довольно часто, вынуждая особенно осторожно переѣзжать черезъ нихъ, внимательно осматривая настилку, въ которой чернѣли широкія дыры.

Кеклики, горныя куропатки и горлицы начали подниматься изъ зарослей, когда мы вѣзжали въ нихъ.... Съ шумомъ, клекотаніемъ взлетали они вверхъ, разсѣкая со свистомъ воздухъ при своемъ стремительномъ полетѣ.

— Хорошая птица, одобрилъ старикъ аксакаль, ѣхавшій съ нами вмѣстѣ до Маргелана. Наши люди очень ихъ любятъ и большія деньги за кекликовъ платяты. Потомъ бой имъ устранивають, и деньги въ закладъ при этомъ ставятъ. У кого попадется сердитый, сильный кекликъ много денегъ заработать такой человекъ можетъ.

Самъ Сулейманъ-Росулъ любилъ эту птицу, хотя онъ всякую птицу любилъ и не только птичій, но также и языкъ всего живущаго на землѣ, подъ землею и въ водахъ рѣчныхъ и морскихъ, понималъ. Великій былъ Хозреть у самаго престола Милосерднаго сидитъ онъ теперь, записывая всѣ грѣхи всего живущаго на свѣтѣ въ книгу жизни, а на землѣ больше всего онъ любилъ горлицъ.

Слышалъ ли ты, тюра, какъ нѣжно воркуютъ горлицы весною? Живутъ онѣ парами и любятъ другъ друга. Полюбятъ такъ, что одна не можетъ жить безъ другой. И если убить одну, другая умираетъ отъ тоски. И никто изъ живущихъ на свѣтѣ не умѣетъ такъ сильно любить, какъ маленькая птица—сѣрая горлица. Самая любящая изъ всѣхъ маленькихъ созданій.

И лишь самъ Хозреть-Сулейманъ могъ такъ же сильно любить, какъ никто изъ людей.

И слагалъ онъ чудныя пѣсни въ честь тѣхъ, кто владѣлъ его сердцемъ и доставлялъ ему блаженство.

Наши горы видѣли его богатые шатры, поставленные среди зеленыхъ луговъ, на которыхъ паслись табуны коней и стада барановъ, принадлежавшихъ его людямъ.

Не было въ то время падишаха могущественнѣе и мудрѣе его, и всѣ народы признавали его власть, неся дань къ подножью трона, а все живущее преклонялось передъ его мудростью и воздавало ему честь.

Больше всего любилъ онъ, ища въ знойное лѣто прохлады, проводить на той высокой горѣ, которая и понынѣ носить имя Солиманъ-Тахта, находясь къ югу за долиною, въ которой протекаетъ широкой многоводный Пянджъ.

Здѣсь въ тихія лѣтнія ночи, при свѣтѣ луны, слагалъ онъ свои чудныя пѣсни, а днемъ рѣшалъ дѣла и бесѣдовалъ съ царями, мудрецами, простыми людьми, животными и птицами. И для каждаго изъ живущихъ находилъ онъ ласковое слово.

А судъ его былъ справедливъ и всѣ люди, и птицы, и животныя собирались къ подножью его престола и приносили ему свои жалобы. Даже волшебница Балкисъ-Султанша далекой Савской стороны сидѣла у его ногъ и слушала мудрыя рѣшенія.

Счастливъ, доволенъ былъ всегда Хозретъ, но стала омрачаться его душа грустью, когда началъ приближаться закатъ жизни. Славя Аллаха, онъ молилъ Всемогущаго вновь оживить его старое тѣло и открыть послѣднюю тайну ему неизвѣстную— указать, гдѣ струится вода жизни.

И внялъ Аллахъ мольбѣ Великаго Хозрета. Въ сіяніи молній явился къ нему на мгновение Джебраилъ посланецъ Милосерднаго и, поставивъ передъ нимъ драгоцѣнную чашу, сказалъ: «Творецъ Вселенной, Всемогушій, Всевѣдущій, Милостивый, да будетъ прославлено имя Его во вѣки, посылаетъ тебѣ, Великій Хозретъ, чашу, содержащую въ себѣ живую воду, возвращающую молодость и дающую вѣчную жизнь на землѣ».

Поклонился въ землю Сулейманъ-Росуль небесному вѣстнику, но не протянулась рука его за драгоцѣнную чашею, ибо, получивъ желанное, напало на него тяжелое раздумье.

Собрались въ это время вокругъ царя-царей эмиры, султаны, шахи, простые люди, звѣри и птицы.

Окинулъ взглядомъ всѣхъ Сулейманъ-Росуль и сказалъ: «Вода жизни даетъ вѣчную жизнь брэнному тѣлу, дастъ въ жизни снова много радости и счастья. Но слѣдуетъ ли мнѣ выпить эту чашу и не буду ли я потомъ сожалѣть о сдѣланномъ, но непоправимомъ?»².

И всѣ въ одинъ голосъ и люди, и звѣри, и птицы стали просить Хозрета выпить скорѣе воду жизни, ибо живя бесконечно и

пользуясь счастьемъ, онъ сдѣлаетъ также и жизнь его окружающихъ счастливою и радостною.

Еще сильнѣе задумался тогда Сулейманъ-Росуль. И послѣ долгаго молчанія спросилъ: «Всѣ ли здѣсь люди и звѣри, и птицы, надъ которыми я властвую, и всѣ ли согласны съ этими рѣчами?»

И были всѣ вокругъ царя-царей, но не успѣла лишь прилетѣть сѣрая горлица, залетѣвшая куда-то далеко-далеко въ каменные ущелья южныхъ горъ.

Приказалъ тогда Хозретъ волшебной птицѣ Гудъ-Гудъ ¹⁾ найти горлицу, какъ можно скорѣе и привести ее на собраніе.

Взмахнула своими огненно-красными крыльями Гудъ-Гудъ и унеслась быстрѣе вѣтра на поиски.

Еще не успѣлъ Хозретъ разобраться въ своихъ мысляхъ, какъ уже вернулась Гудъ-Гудъ, а съ нею вмѣстѣ прилетѣла и горлица.

Опустилась она на плечо Хозрета, заплѣла слова любви, которыя такъ хорошо знала, ибо шли они у нея прямо изъ сердца.

Обрадовался Хозретъ, увидѣвъ свою любимицу, самую любящую изъ всѣхъ земныхъ созданий.

И, лаская ея сѣрыя перышки, заговорилъ: «О, моя горлица, скажи, хорошо ли будетъ, если царь-царей, твой господинъ выпьетъ чашу съ живою водою и получить для своего брэннаго тѣла безсмертіе на землѣ?»

Примолкла горлица, прислушиваясь, но потомъ заворковала: «О, господинъ, трудна поставленная тобою задача мнѣ, маленькой птицѣ, незнающей ничего, кромѣ любви.

Но если ты потребуешь этого послѣ того, какъ уже сказали всѣ кромѣ меня, то отвѣтъ мнѣ раньше:

Для всѣхъ ли тѣхъ, кого ты любишь, предназначена эта вода или же она только для одного тебя, о, царь царей?»

— «Ты видишь, неразумная горлица, самая любящая изъ всѣхъ земныхъ созданий, что чаша мала и воды жизни въ ней немного, а потому ея не можетъ хватить на всѣхъ, кто любить меня и кого люблю я самъ, ибо ихъ на землѣ такъ много».

И заворковала вновь горлица своимъ звенящимъ голосомъ:

«О, царь-царей, господинъ мой, ты одинъ выпьешь сладкую живую воду, а въ это же время всѣ тѣ, кто тебя любятъ и кого ты самъ любишь—будутъ пить горькую воду смерти.

Съ кѣмъ же останешься ты на землѣ, когда все, что любишь ты самъ, исчезнетъ въ вѣчности?»

¹⁾ Жарь-птица.

О, господинъ мой, тогда твоя любовь останется лишь для тебя тяжелымъ воспоминаніемъ, ибо не будетъ около тебя тѣхъ, кто тебя любилъ.

Я знаю, что любовь моего маленькаго сердца песчинка передъ твоею, но я, маленькое созданіе Аллаха, не могу жить безъ того, кого я люблю и умираю отъ тоски послѣ смерти своей подруги.

Выпивъ чашу съ живою водою, твое тѣло будетъ жить вѣчно, но вся твоя жизнь будетъ однимъ мученіемъ, ибо вокругъ тебя будетъ все время витать ангелъ смерти Азраиль, а въ душѣ твоей всегда останется воспоминаніе о тѣхъ, которые ушли въ вѣчность, и ты ихъ больше никогда не увидишь.

Подумай объ этомъ, мой любимый великій господинъ!»

Задумался Хозретъ Сулейманъ, окинулъ онъ внимательнымъ взоромъ красавицъ женъ своихъ, дѣтей, друзей, слугъ, звѣрей и птицъ.

И бесконечно стало ему жаль, что никто изъ нихъ не раздѣлится съ нимъ счастья вѣчной жизни на землѣ и всѣ исчезнутъ въ вѣчности, перейдя въ долину смерти.

Вздохнулъ онъ тяжело о недостижимомъ, но сердцемъ своимъ онъ уже раздѣлялъ все высказанное любящею горлицею и, поклонившись до земли небесному вѣстнику, отдалъ ему чашу съ водою жизни, не приложивъ ее къ своимъ устамъ....

Умеръ великій Хозретъ, когда пришелъ его часъ, перейдя вмѣстѣ со всѣми его любившими въ долину смерти, встрѣчая въ ней cadaго еще оставшагося на землѣ, прославляя Милосерднаго, пославшаго къ нему ангела Азраила, въ то время, когда онъ, насыщенный жизнью, хотѣлъ лишь покоя.

Г л а в а Ш.

Отрывки воспоминаній о завоеваніи края и положеніе мусульманства.

Зимовка Ауспанъ съ нѣсколькими киргизскими юртами показала особенно привлекательной, вслѣдствіе сильнаго утомленія тяжелой дорогой и возможностью отдыха подъ кровомъ. Невольно эти примитивныя человѣческія жилища мы считали вполнѣ комфортабельными помѣщеніями.

Мангалъ, распространявшій тепло и чадившій порою немилосердно, казался лучше всякаго камина, а пара ватныхъ одѣялъ на толстой кошмѣ являлись высшимъ комфортомъ, который доступенъ для путника въ дорогѣ.

Несмотря на незначительное разстояніе, въ пятьдесятъ только верстѣ, до ближняго русскаго города, въ жизни киргизовъ ни въ чемъ не было замѣтно культурнаго вліянія русскихъ, и вся обстановка кибитки была мѣстной работы, выполненной киргизскими женщинами изъ овечьей и верблюжьей шерсти, кошмы, хуржумы, веревки, ковры.

Лишь около мангала виднѣлся чугунный кумганъ для воды и пара грубыхъ фарфоровыхъ чайныхъ чашекъ, да на видномъ мѣстѣ, рядомъ съ кучей одѣяль, отсвѣчивалъ металлическимъ блескомъ кованный сундучекъ русской работы.

Усаживаясь на кошмѣ, докторъ обратилъ мое вниманіе на всѣ эти вещи.

— Не правда ли странно, болѣе сорока лѣтъ живемъ мы бокъ о бокъ съ киргизами, а вѣдь почти ничего не внесли въ ихъ жизнь, которая осталась тою же, что и 300—400 лѣтъ тому назадъ. Отчего это?

— Не находите ли вы, что узаконивъ кочевую жизнь, какъ привычную туземному населенію форму, мы не приняли никакихъ мѣръ къ понужденію кочевниковъ перейти на осѣдлое положеніе? Мнѣ кажется, что главная вина сдѣлана нашими поземельно-податными комиссіями, размежевавшими киргизскимъ обществамъ огромные участки земли, благодаря чему у нихъ не было никакой необходимости отъ стараго уклада жизни переходить къ новому осѣдлому состоянію.

Тотъ принципъ справедливости, который все время проводился въ отношеніи туземцевъ, является въ сущности глубокою несправедливостью къ завоевателямъ, не могущимъ до сихъ поръ, несмотря на огромныя земельныя площади, остающіяся свободными, получить земли для поселенія. Какъ никакъ, а кочевой образъ жизни уже отжилъ свой вѣкъ, а потому его слѣдуетъ окончательно уничтожить, лишь постепенно уменьшая площади владѣній кочевниковъ и понуждая ихъ этимъ къ переходу на осѣдлое положеніе.

Киргизка, мать хозяина, привѣтливо улыбнувшись намъ своимъ беззубымъ ртомъ, вошла въ кибитку, неся нѣсколько только что испеченныхъ лепешекъ. Лпцо старухи, покрытое все морщинами, какъ печеное яблоко, было добродушно, напоминая собою отчасти упитаннаго стараго католическаго монаха, какими ихъ изображаютъ на картинахъ иностранныхъ художниковъ.

Сѣвъ неподалеку, она внимательно стала разсматривать пасъ, дѣлясь вслухъ своими впечатлѣніями съ окружающими и высказы-

вая удивленіе, что урусы не сидятъ на мѣстѣ въ своихъ теплыхъ домахъ, о которыхъ она много слышала, а ѣздить по дальнимъ мѣстамъ, какъ бездомные бродяги, терпя всякія лишенія.

— Ханумъ, много жила на свѣтѣ и много видѣла? обратился я къ ней, чтобы начать разговоръ.

— Да, таксырь, много прожила, но только видѣла одни горы, среди которыхъ прошла вся жизнь. Лишь на зарѣ моей жизни пришлось видѣть однажды большой городъ Кокандъ, а потомъ уже ни разу не бывала въ городахъ.

Но, таксырь, зато я удостоилась говорить съ самимъ Урусъ-Акь-Пашей, съ гордостью добавила старуха, вспоминая Бѣлаго генерала М. Д. Скобелева. Давно это было, еще въ то время, когда Худояръ-ханъ въ Кокандѣ ханомъ былъ. Нашъ родъ вмѣстѣ съ другими стоялъ на лѣтовкахъ въ Алайскихъ горахъ, гдѣ жила сама царица Алая. Тогда наши люди держали сторону Пулатъ-хана и вмѣстѣ съ Абдуль-бекомъ воевали противъ войскъ урусовъ. Только не могли кара-киргизы ничего сдѣлать. Какъ коршунъ прилетѣлъ со своими сарбазами Урусъ-Акь-Паша—Скобелевъ и побилъ много людей. Собрала тогда всѣхъ стариковъ Курбанъ-Джанъ-Датха — царица Алая и держала совѣтъ съ ними и, наконецъ, сказала: «Не слѣдуетъ проливать даромъ кровь киргизскую, противъ большой силы ничего не сдѣлаемъ, лучше покориться урусамъ». Долго не соглашались наши, ну, а потомъ сами видятъ, что Датха говорить правду, рѣшили покориться. Поѣхала Курбанъ-Джанъ-Датха, царица Алая, вмѣстѣ съ стариками навстрѣчу Урусъ-Акь-Пашѣ и много людей съ ними, которые подъ рукой Курбанъ-Датхы всегда жили. Мой мужъ еще молодымъ былъ мирахуромъ-баши, служилъ при Датхѣ. Поѣхала и я со всѣми. Не слыхала я, что говорилъ Акь-Паша, а только потомъ Датха сама мнѣ рассказывала, принявъ онъ ее, какъ добрый сынъ мать принимаетъ, надѣлъ самъ ей на плечи золотой халатъ и общалъ Падишаху написать про нее. Тутъ же помню Датха при мнѣ людей своихъ уговаривала, приказавъ не трогать урусовъ и жить тихо въ своихъ кочевкахъ, не сходя въ долины къ городамъ. Такъ и было, и никто ужъ больше изъ нашихъ родовъ не ходилъ на войну. А Акь-Паша былъ такой высокій—выше всѣхъ и съ рыжею бородою. Потомъ Курбанъ-Датха долго жила и только недавно умерла, все время управляя кара-киргизами. А сынъ ея у урусовъ волостнымъ былъ.

— Что же, ханумъ, не боялась русскихъ?

— Нѣтъ, таксырь, боялась, молодая, красивая была, а красивой женщинѣ всегда страшно. Думала все отнимуть у мужа и увезуть съ собою. При ханахъ такъ часто бывало, насильно увозили. А урусы этого не дѣлали. Денегъ много давали, золотыхъ тилла и къ нимъ сами женщины шли. Мужья же не мѣшали своимъ женамъ хозяйство устраивать помучше. Почти недѣлю около урусовъ наши кибитки стояли. Потомъ каждый въ свою сторону пошелъ, а въ эту недѣлю каждый вечеръ той былъ. Наши бай, аксакалы и понсаты дѣлали, а у урусовъ музыка играла, пѣсни нѣлп. Весело было....

Не хорошо только тѣмъ нашимъ ханумъ было, у которыхъ черезъ годъ бѣлоголовые ребятишки бѣгали около кибитокъ, сосѣди дразнили. Но только и это прошло. Выросли и бѣлоголовые хорошими киргизами, а что у иного борода свѣтло-русовая, а не черная, кто теперь знаетъ отчего это сдѣлалось. Видно Аллахъ захотѣлъ такъ.

Топотъ копытъ нѣсколькихъ лошадей и лай собакъ, съ остервенѣніемъ бросившихся на кого-то, прервалъ словоохотливую старуху.

Киргизы вышли изъ кибитки, за стѣнами которой сейчасъ же послышался тихій разговоръ, а затѣмъ нѣсколько времени спустя вновь открылся входъ и изъ-за приподнятой кошмы показалась какая-то толстая фигура, сказавшая селямъ и сейчасъ же начавшая снимать съ себя сильно промокнувшій отъ дождя верхній халатъ, послѣ чего мы увидѣли почтеннаго старика-киргиза, самого хозяина дома, вернувшася изъ поѣздки въ Учъ-Курганъ, куда онъ ѣздилъ на базаръ.

Спросивъ о нашемъ здоровьи и высказавъ въ самой любезной формѣ радость видѣть у себя такихъ почетныхъ гостей, старикъ присѣлъ около мангала.

Освѣщенное красноватымъ свѣтомъ тлѣющихъ углей лицо его рѣзко выдѣлялось, невольно останавливая на себѣ наше вниманіе огромнымъ шрамомъ, пересѣкавшимъ отъ лба черезъ переносье до противоположной щеки. Видимо, это была старая рубленая рана отъ сильнаго удара шашки.

— Отецъ навѣрное былъ въ бояхъ? обратился я къ нему.

— Да, таксырь, когда я былъ молодымъ, а это было очень давно, кровь обращалась быстрѣе въ жилахъ, сердце билось сильнѣе, а голова всегда была горячая; поэтому, когда въ Ферганѣ была война съ урусами, я вмѣстѣ со всѣми ходилъ подъ бунчуками Канаатъ-Ша-Зуль-Фагаръ-бека и Пулатъ-хана. Мнѣ урусы зла не сдѣлали,

но муллы говорили, что они невѣрные и съ ними надо сражаться, и я пошелъ со всѣми людьми.

Муллы говорили, что намъ пошлетъ Аллахъ силу львиную, храбрость сокола и неутомимость верблюда, и войска урусовъ побѣгутъ передъ нами, какъ трусливые зайцы. Но только, таксырь, не такъ было! Наши мултуки не могли сравниться съ ихъ ружьями, а сарбазы Великаго Акъ-Падишаха были храбрые, сильные люди, которые идя, въ нашъ край, давали клятву умирать въ бою. И не только отряды, но каждый сарбазъ стоилъ цѣлаго войска.

Я помню, таксырь, какъ будто вчера, съ Алимъ-ханомъ мы окружили горсть урусовъ подъ Иканомъ. Цѣлыми толпами съ именемъ Аллаха на устахъ, кидались наши въ бой, но усѣивая землю своими тѣлами, принуждены были отходить, не смогши сломить силу урусовъ. Ты скажешь, что ихъ было много, но насъ было еще больше—тысячи на коняхъ съ острыми саблями!

Я видѣлъ, тюра, другой бой. Съ Зюль-Фагаръ-бекомъ въ ночную пору мы двинулись въ числѣ больше тысячи человекъ, чтобы уничтожить тѣ станціи, которыя устроили урусы для смѣны лошадей джигитовъ, возившихъ бумаги въ Ташкентъ. Всѣ мы думали—какъ блохъ задавимъ тѣхъ одного—двухъ урусовъ, которые сидѣли въ этихъ станціяхъ въ Курганчахъ, а джигиты ихъ, навѣрное, сами разбѣгутся.

Ночью подошли мы къ курганчѣ Мурза-Рабать, рѣшивъ напасть на нее внезапно. Но шайтанъ помогъ сидѣвшему въ ней урусу. Ворота были заперты, и онъ встрѣтилъ насъ выстрѣлами изъ своей винтовки, поражавшими больше чѣмъ за версту.

Два дня и ночь лѣзли самые храбрые изъ насъ на стѣну, подсаживая другъ друга, но, поражаемые выстрѣлами, падали храбрецы и умирали у ихъ подножья. Къ счастью пришла одному изъ стариковъ мысль выкурить уруса изъ курганчи огнемъ. Собрали много сухого клевера, зажгли и стали кидать за стѣны, а потомъ влѣзли на крышу и, сломавъ потолокъ, забросали горящими снопами середину помѣщенія, въ которомъ укрылся смѣлый урусъ.

И чтобы ты думалъ, таксырь, не сдался онъ!

Какъ шайтанъ, весь черный отъ дыма, выскочилъ урусъ изъ огня и, размахивая своею винтовкою, какъ дубиной, кинулся на насъ, убивая каждого, кто попался подъ его удары. Онъ хотѣлъ видно пробиться къ невдалекѣ стоявшей надъ родникомъ башнѣ, но Кысметъ-судьба сказала свое послѣднее слово. Десятки нашихъ людей бросились на него и изрубили его своими острыми

саблями, а когда потомъ отрубленную голову уруса выставили на копьѣ, то всѣ отъ нея отворачивались—очень ужъ страшно смотрѣли мертвые глаза....»

Старикъ, какъ будто подавленный этимъ воспоминаніемъ, замолчалъ и началъ набивать трубку мелко накрошеннымъ табакомъ.

— Вы не помните, что это за дѣла, о которыхъ онъ рассказываетъ? спросилъ внимательно слушавшій докторъ.

— Какъ же, знаю. Въ этомъ разказѣ все отвѣчаетъ дѣйствительности и совершенно вѣрно. Это исключительное дѣло въ лѣтописяхъ завоеванія Средней Азіи. Страница исторіи, въ которую свое имя записалъ стрѣлокъ 3-го Туркестанскаго баталіона Степанъ Яковлевъ, служившій старостой на Мурза-Рабатской почтовой станціи и защищавшій ее одинъ противъ тысячнаго скопища киргизъ въ теченіе двухъ сутокъ, отсиживаясь за укрѣпленными стѣнами и погибшій въ августѣ 1875 г., оставленный разбѣжавшимися киргизами-ямщиками. Имѣя два ружья и винтовку, онъ, сидя въ башнѣ, поддерживалъ ружейный огонь противъ киргизъ, кидавшихся на приступъ, затѣмъ, когда станцію обложили сухимъ клеверомъ и подожгли—рѣшилъ пробиться сквозь толпу враговъ, но погибъ подъ сабельными ударами, успѣвъ самъ уложить ихъ добрый десятокъ.

Офицеры 3-го баталіона поставили на мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ, памятникъ, въ видѣ гранитной скалы съ мраморнымъ крестомъ и чугунною доскою съ надписью на ней золотыми буквами: «Стрѣлку Степану Яковлеву доблестно-павшему 6 Августа 1875 г. послѣ двухъ-дневной защиты имъ станціи Мурза-Рабатъ противъ шайки кокандцевъ».

Имя Степана Яковлева—почетное имя, какъ не говорите. Сумѣлъ исполнить свой долгъ до конца и умеръ такою прекрасною смертью.

— Да, тюра, это вѣрно—хорошо умеръ, подтвердилъ, прислушивавшійся къ нашему разговору старикъ. Такъ всегда батыри умираютъ и у насъ. А урусы храбрые люди—умѣютъ умирать.

Вставъ со своего мѣста и подбросивъ въ мангалъ свѣжихъ углей, старикъ помѣшалъ огонь и затѣмъ, какъ будто что вспомнилъ и, всматриваясь въ языки голубого пламени, появившіеся среди мангала, снова заговорилъ:

— Я видѣлъ, таксырь, какъ умирали урусъ-сарбазы въ Маргеланѣ, когда мы вели войну съ ними.

Захватили урусовъ въ разныхъ мѣстахъ въ плѣнъ во время битвы и захотѣли наши муллы показать всему народу ихъ униженіе.

Объявили по всѣмъ базарамъ, что урусы, находящіеся въ плѣну, будутъ отрекаться отъ своей вѣры и принимать мусульманство передъ всѣмъ народомъ.

Собрались тысячи людей на регистанъ въ Маргеланѣ, каждый хотѣлъ посмотреть.

Вывели тогда съ десятокъ урусовъ-сарбазовъ. Сидѣли они долго въ зинданѣ²⁾ въ колодкахъ и уже много мукъ вытерпѣли. Исхудали, обросли волосами и были они покрыты клочьями отъ своихъ износившихся одеждъ.

Сталъ главный мулла предлагать имъ перейти въ мусульманство и возгласить славу Аллаху, обѣщая райское блаженство на небѣ, а на землѣ богатую почетную жизнь, халаты, землю, много денегъ, красивыхъ женъ изъ дочерей самыхъ знатныхъ людей. Но не согласился никто изъ урусовъ измѣнить вѣрѣ своихъ предковъ.

Разсердился тогда Пулатъ-ханъ, какъ услышалъ отъ переводчика, что не хотятъ урусы принимать исламъ. Крикнулъ онъ своихъ нукеровъ, что стояли тутъ же, и приказалъ зарѣзать нѣсколько человекъ ихъ для устрашенія остальныхъ. Начали рѣзать имъ по одному горло, поваливши на землю. Зарѣжутъ одного, отрѣжутъ голову и покажутъ остальнымъ.

А муллы снова ихъ начинаютъ уговаривать, только ни одинъ не послушался.

Тогда приказалъ Пулатъ-ханъ одному изъ нихъ, что старшій былъ, пальцы рубить, ремни изъ спины рѣзать, ноги на огнѣ поджаривать: всѣ думали, что, не стерпя такую муку, откажется онъ отъ своей вѣры. Но только не отказался урусъ.

Цѣлыхъ полдня съ нимъ возились, даже устали нукеры, потомъ видятъ, что ничего не выходитъ, бросили отрѣзавши и ему голову, а всѣ тѣла бросили потомъ собакамъ.

— А это что за исторія такая? послѣ долгаго молчанія задалъ снова вопросъ докторъ, подавленный этою страшною картиною лютыхъ нечеловѣческихъ мукъ, которымъ подвергли несчастнаго.

Я долго вспоминалъ. Что-то знакомое слышалось мнѣ въ этомъ разказѣ, напоминавшемъ такую же смерть при почти такой же обстановкѣ бомбардира Агаѳона Никитина, но то было во время

²⁾ Зинданъ — подземная тюрьма.

завоеванія Ахаль-Теке. А въ Ферганѣ? Напрягая всю силу памяти, я не могъ справиться сразу съ этою задачею.

Поужинавъ жирнымъ пловомъ, свареннымъ съ кунжутнымъ масломъ, и уже улегшись на покой, я, наконецъ, вспомнилъ и подѣлился съ докторомъ своими свѣдѣніями.

21-го ноября 1875 г. во время завоеванія Ферганы въ Маргеланѣ, послѣ цѣлаго ряда понесенныхъ пораженій, Пулатъ-хантъ, желая поднять духъ своихъ войскъ и народа, устроилъ торжество обращенія русскихъ плѣнныхъ въ магометанство, выведя ихъ передъ толпы собравшагося народа. Но успѣха уговоры и обѣщанія никакого не имѣли, и всѣ русскіе категорически отказались принять исламъ, предпочитая смерть измѣнѣ религіи.

Зарѣзавъ самымъ звѣрскимъ образомъ большую часть плѣнныхъ, киргизы съ особенною настойчивостью хотѣли сломить упорство унтеръ-офицера 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона Ѳомы Данилова, котораго подвергли цѣлому ряду страшныхъ мученій, отрубая пальцы по одному суставу за другимъ, вырѣзывая ремни и поджаривая на угольяхъ. Но мученикъ остался непреклоннымъ и умеръ, не измѣнивъ присягѣ и вѣрѣ.

Государь, по докладу объ этой исключительной преданности своему долгу и стойкости покойнаго, пожаловалъ его вдовѣ пенсію въ 120 р. въ годъ, приказавъ принять дочь на казенное содержаніе, а Самарское земство, изъ уѣзда котораго происходилъ Даниловъ, собрало его вдовѣ по подпискѣ 1.300 р.

Г л а в а IV.

Таджикскія селенія.

Весь переходъ въ 25 верстѣ до кишлака Учъ-Кургана мы ѣхали по населеннымъ мѣстамъ, частью долиною Исфайранъ-Сая.

Киргизскія кибитки виднѣлись группами, а кое-гдѣ среди нихъ поднимались курганчи съ высокими сѣрыми стѣнами, указывавшими, что начались мѣста, въ которыхъ живетъ осѣдлое населеніе.

Обработанныя поля разстилались по склонамъ холмовъ и долинамъ, окружая довольно значительный кишлакъ Данги. Населеніе здѣсь было преимущественно киргизское, уходящее лѣтомъ въ Алайскую долину.

Богатый населенный кишлакъ Учъ-Курганъ, т. е. три крѣпости, широко раскинулся на равнинѣ, занимая своими садами, окружен-

ными дувалами, огромное пространство въ нѣсколько верстъ съ населеніемъ до двухъ тысячъ человѣкъ.

Большой базаръ съ массою лавокъ указывалъ на торговое значеніе этого пункта, служащаго посредникомъ по скупкѣ въ долині Алая и ближайшихъ мѣстахъ Каратегина зерна, привозимаго потомъ въ Маргеланъ.

Когда-то мѣсто это имѣло большое стратегическое значеніе, защищая выходъ въ Ферганскую долину, а потому и было сильно укрѣплено нѣсколькими крѣпостями (калами), съ глинобитными стѣнами, но время разрушило ихъ, и теперь лишь видны слѣды этихъ укрѣпленій, потерявшихъ, съ завоеваніемъ Кокандскаго ханства русскими, свое бывшее значеніе оплота противъ кочевниковъ Алайской долины и нападений каратегинскаго Мира.

Мы попали къ началу уразы ³⁾, а потому весь кишлакъ и базаръ, проведя ночь въ веселіи, спали пепробуднымъ сномъ и казались совершенно вымершими. Праздникъ этотъ, проводимый днемъ въ воздержаніи, а ночью во всякихъ излишествахъ, совершенно измѣняетъ на время всю жизнь населенія, превращая ночь въ день, а день въ ночь.

Закрытыя лавки базара не давали возможности видѣть всѣхъ товаровъ и ихъ сортовъ. Лишь значительное количество сложенныхъ снаружи бидоновъ керосина указывало на его большой спросъ туземнымъ населеніемъ.

— Здѣсь, тюра, въ караванъ-сараѣ мы ничего не достанемъ, сообщилъ успѣвшій произвести развѣдку Ахметъ. Надо ѣхать къ волостному.

— Стоитъ ли, запротестовалъ докторъ, проѣхали всего 25 верстъ. Можно двигаться свободно дальше, лишь надо напоить лошадей, да дать имъ по снопу клевера.

Я изъявилъ согласіе и, послѣ кратковременной остановки, мы выѣхали дальше къ Ново-Маргелану, до котораго оставалось около тридцати верстъ.

Впереди разстилались передъ нами обработанныя поля и виднѣлся рядъ кишлаковъ, окруженный куртинами растительности. Вся эта полоса занята таджиками, выселившимися еще во время завоеванія Ферганы русскими изъ Каратегинскаго бекства. Устроившись на плодородныхъ земляхъ, поселенцы, отдохнувъ отъ произвола бухарскихъ властей, въ короткое время достигли большого благосостоянія и въ настоящее время живутъ зажиточно.

³⁾ Уразы — мусульманскій постъ и праздникъ Курбана.

Кишлаки Кара-Теке, Авваль-Узбекъ, Легонъ, Кады-Сиепъ, Той-Гильды, похожіе одинъ на другой по мѣстоположенію и постройкамъ, не представляли уже ничего по своему внѣшнему виду интереснаго, вслѣдствіе чего мы поторопились доѣхать засвѣтло до Акъ-Тене, гдѣ и переночевали въ послѣдній разъ въ туземной обстановкѣ.

Широкій дворъ амина, у котораго мы остановились, не былъ похожъ на тѣсныя скученныя постройки горныхъ таджиковъ и во всемъ видно было вліяніе земельного простора и заимствованій у жителей равнины.

Чисто выравненныя отштукатуренныя ганчемъ ⁴⁾ стѣны, украшенныя рисунками, довольно сложнаго орнамента, освѣщались небольшою висячею лампою. Въ стрѣльчатыхъ нишахъ лежали какія-то книги, бумаги, а дальше висѣло ружье и повѣшенная на колышкахъ разная одежда. Желѣзная печка была сдѣлана изъ керосиноваго бидона, съ желѣзною трубою, протянувшейся черезъ всю комнату у потолка. Все это показывало на стремленіе къ нѣкоторому комфорту.

Устроившись на толстой киргизской кошмѣ и подложивъ подъ бокъ ватное одѣяло, мы, послѣ шестидесяти-верстнаго перехода, раньше всего по выработанному практикою обыкновенію занялись чаепитіемъ, пригласивъ и хозяина.

— Какъ живетъ, аминъ? началъ я съ нимъ разговоръ.

— Хорошо, тюра, урожай хорошій. Никто не обижаютъ. Живемъ и Аллаха благодаримъ, увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ аминъ, открыто и безхитростно смотря прямо въ глаза.

— Вѣдь вы всѣ не здѣшніе, а переселились сюда?

— Да, тюра, наши отцы вышли изъ Каратегина, не смогли нести тяготы, которая ложилась на плечи отъ податей. Лютый былъ Каратегинскій Миръ—Мурадъ-Ша. Онъ съ людей послѣднюю рубашку снималъ. Тогда собрались наши и ушли къ урусамъ, которые намъ дали здѣсь землю. А тѣ родичи, что остались на Каратегинской землѣ, до сихъ норъ плачутъ, но ничего сдѣлать нельзя. Сразу уйти всѣмъ—бекъ не пуститъ, да и земли не найдешь здѣсь свободной, а ноодинокѣ, если кто уходитъ, такъ на ихъ родныхъ большіе штрафы накладываютъ, поэтому сидятъ на мѣстахъ и терпятъ.

Намъ же здѣсь жить хорошо. Старики говорятъ, что никогда такъ прежде не жили. Урусъ-Акъ-Падишахъ не позволяетъ на

⁴⁾ Ганчъ — алебастръ.

своей землѣ обижать маленькихъ людей. Губернаторъ, Хакимъ, приставъ насъ не трогаютъ. Мы молимъ Аллаха о здоровьи Акъ-Падишаха, не то что кара-киргизы... Когда было въ Андиганѣ возстаніе, ни одинъ нашъ человѣкъ съ ними не ходилъ. Наши муллы и ишаны на это не были согласны, а народъ не любитъ кара-киргизъ и узбековъ, помня какъ они насъ обижали въ ханское время.

— А какъ кара-киргизы живутъ, довольны ли они теперь русскими порядками или нѣтъ?

— Какъ тебѣ сказать, тюра, началъ уклончиво аминъ. Разные среди нихъ есть. Но затѣмъ, видимо, вспомнивъ какія-то обстоятельства, онъ уже безъ вопросовъ сталъ продолжать.

— У нихъ старики вмѣстѣ съ муллами идутъ въ согласіи, а тѣ урусовъ не любятъ. Да и кромѣ того, тюра, были изъ нихъ многіе, если не сами, то отцы ихъ беками, датхами, пансатами, при холахъ служили, могли съ простыхъ людей много доходовъ имѣть, ну, а теперь всѣ они сами простые люди. И богатства прежняго уже нѣтъ.

Молодые въ городахъ—тѣ не такъ. Они дѣла торговые съ урусамы ведутъ, ну а кишлакъ-адашы ⁵⁾, тѣ ни во что не мѣшаются, сами не думаютъ, а за нихъ муллы все думаютъ и дѣлаютъ. Вотъ, кто въ Меккѣ побывалъ, тотъ ужъ святой и урусовъ не любитъ, потому что они невѣрные. А мы, тюра, думаемъ, что это не такъ: у всѣхъ одинъ Аллахъ, только каждый ему молится по-своему.

Невольно въ этихъ безхитростныхъ опредѣленіяхъ вырисовывалось современное отношеніе этой части мусульманскаго населенія къ русскимъ.

Болѣе безправные въ ханское время таджики, принадлежащіе къ различнымъ сектамъ, относятся въ общей массѣ несравненно терпимѣе и благожелательнѣе къ русскимъ, нежели узбеки и киргизы, постоянно враждебно возбуждаемые своими ишанами и дервишами.

Г л а в а V.

Современныя теченія въ мусульманствѣ.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ мусульманствѣ замѣчается стремленіе къ нравственному и политическому возрожденію и къ объединенію всего мусульманскаго міра, и въ настоящее время тѣ постоянные теологическіе споры между послѣдователями шиизма и сунны, которые занимали прежде мусульманскихъ ученыхъ и публи-

⁵⁾ Кишлакъ-адашъ—поселянинъ.

цистовъ, давно уже заброшены, а вмѣсто нихъ на страницахъ персидскихъ, турецкихъ и татарскихъ газетъ усиленно проповѣдывается необходимость полной солидарности всѣхъ мусульманскихъ государствъ въ вопросахъ политическихъ и объединенія народовъ, исповѣдующихъ исламъ.

«Турція, Египеть, Персія и Афганистанъ—мы всѣ погибнемъ, какъ политическія цѣбля, и подвергнемся участи Кавказа, Бухары и Индіи», страстнымъ призывомъ прозвучали слова публициста въ газетѣ «Ал-Ахрамъ», «если не вернемся къ чистымъ завѣтамъ Пророка, заповѣдавашаго, что въ единеніи всѣхъ правовѣрныхъ лежитъ великая непобѣдимая сила. Почему мы слабы и принуждены уступать свои земли и богатства невѣрнымъ? Потому что мы не только забыли о національной гордости и патріотизмѣ, но и объ единой правѣ вѣрѣ, общей для всѣхъ.

Слушайте мусульмане всего міра. Еще не поздно соединиться намъ всѣмъ вмѣстѣ, тогда имя Пророка прогремитъ по всему свѣту, какъ гремѣло оно при первыхъ калифахъ».

Этотъ призывъ, раздавшійся десять лѣтъ тому назадъ, не остался безъ результата. Почти во всѣхъ персидскихъ, турецкихъ и индійскихъ газетахъ появились не менѣе страстныя статьи, призывавшія мусульманскіе народы къ примиренію и объединенію. А тайныя общества и дервишскіе ордена усилили свою дѣятельность, направляемую турецкимъ обществомъ «Единеніе и Прогрессъ», ставшимъ во главѣ его движенія.

Революціи въ Турціи и Персіи были лишь прямымъ слѣдствіемъ работы, которая ведется турецкими эмиссарами не только черезъ паломниковъ, посѣщающихъ Мекку, но и посылая разныхъ лицъ во всѣ мусульманскія государства, не исключая даже и долго державшагося въ сторонѣ ото всѣхъ Афганистана, куда въ 1910 г. были отправлены изъ Турціи военные инструкторы съ опредѣленными задачами.

Наши Средне-азиатскія владѣнія не остались, разумѣется, внѣ этого вліянія, распространяемаго при помощи могущественныхъ дервишскихъ орденовъ, хотя, къ глубокому сожалѣнію, у насъ на это еще не обратили должнаго вниманія и не замѣчаютъ многихъ симптомовъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что наблюденія за дѣятельностью дервишей вообще никакого въ дѣйствительности не существуетъ, благодаря малому знакомству чиновъ администраціи съ туземными языками.

Вспомнивъ невольно сорокалѣтнее наблюденіе за туземцами

знатока туземной жизни нашего извѣстнаго ориенталиста уважаемаго И. П. Остроумова, приходится признать, что въ недалекомъ будущемъ Европѣ придется считаться съ гигантскою силою ислама, а Россія, какъ и раньше, первая испытаетъ на себѣ въ Средней Азійи его первые натиски, притомъ, какъ и всегда, не будучи готова ихъ встрѣтить, благодаря установившемуся у многихъ неправильному взгляду, что исламъ не жизнь и не опасность.

Андижанское возстаніе, бывшее въ свое время громомъ среди совершенно безоблачнаго неба, не заставило принять никакихъ особыхъ мѣръ предосторожности въ Средне-азиатскихъ владѣніяхъ, вслѣдствіе чего новое возстаніе, какъ и всегда, окажется для насъ снова такимъ же неожиданнымъ, но, разумѣется, болѣе тяжелымъ въ отношеніи умиротворенія края, на населеніе котораго смотрять сквозь розовые очки и совершенно не знаютъ ни его настроеній, ни тѣхъ теченій, которыя въ немъ идутъ особенно сильно послѣдніе годы.

— Да, слишкомъ сильны среди туземнаго населенія память о прошломъ и надежды на будущее возрожденіе мусульманскаго царства, какъ бы отвѣчая на мои мысли, заговорилъ докторъ.

— Какъ не говорите, а мусульманское населеніе никогда не сольется съ христіанскимъ, имѣя совершенно различные идеалы, и рассчитывать на то, что мы прикрѣпимъ Среднюю Азію къ себѣ, по меньшей мѣрѣ—тщетная надежда.

Лишь путемъ широкой колонизаціи русскими поселенцами и постепеннымъ вытѣсненіемъ кочевниковъ, которые должны дать мѣсто болѣе культурному славянскому племени—возможно держать страну въ рукахъ, да и то до первыхъ событій.

Желтая опасность для Европы вопросъ не шуточный, а Россія обречена испытать снова на себѣ натискъ монгольскихъ народовъ и въ Средней Азійи, и въ Сибири.

Не дай Богъ, если среди мусульманъ появится какой-нибудь энергичный, даровитый вождь въ родѣ Тамерлана или Надирь-Шаха. Онъ можетъ легко увлечь за собою всѣ мусульманскіе народы.

Вѣдь если взять число мусульманъ на всемъ свѣтѣ, то можно прийти въ ужасъ отъ этой колоссальной цифры 275 мил. послѣдователей ислама, изъ которыхъ на долю Азійи приходится 170 мил. человекъ⁶⁾, причемъ въ Англо-индійскихъ владѣніяхъ—62 мил., въ Нидерландской Индіи—30 мил., далѣе по мѣрѣ удаленія отъ этого центра количество мусульманъ равняется: въ Афганистанѣ—99⁰/₁₀₀

⁶⁾ Шателье. «Экономическое положеніе ислама».

всего населенія, въ Бухарѣ и Средней Азій—94⁰/₀, въ Персіи—93⁰/₀, въ Аравіи—98⁰/₀, въ Месопотаміи—86⁰/₀ и въ Малой Азій—78⁰/₀. Въ Африкѣ на 166 мил. населенія—60 мил. мусульманъ. Въ Европѣ, на Балканскомъ полуостровѣ—3 мил., въ Европейской Россіи—3 мил.

Неужели васъ не пугаютъ эти чудовищныя цифры, увеличивающіяся съ каждымъ годомъ. Какъ это не удивительно, но христіанство почти не находитъ послѣдователей среди магометанъ и по отчетамъ синода за послѣдніе 40 лѣтъ приняло изъ нихъ православіе въ Россіи около 150 человекъ, и въ то же время на нашихъ глазахъ инородцы, исповѣдывавшіе ламаизмъ и шеманство, массами переходятъ въ исламъ. Надо думать, что простота въ отпращиваніи богослуженія, ясность догматовъ религіи играютъ въ этомъ главную роль, а кромѣ того исламъ какъ будто принаровленъ во всемъ къ главнѣйшей человѣческой слабости—я разумѣю въ этомъ случаѣ отношенія къ женщинѣ и полигамію... Какъ вы полагаете?

Невольно приходилось согласиться съ этимъ заключеніемъ, вспомнивъ необходимость большой подготовки для пониманія православнаго и католическаго христіанства.

Завернувшись съ головою въ теплое одѣяло, я еще долго слышалъ, какъ докторъ продолжалъ свои предсказанія, основанныя на глубокомъ знаніи исторіи и современныхъ теченій Востока, до сихъ поръ для большинства представляющаго вполнѣ terra incognita.

Послѣдній переходъ до Ново-Маргелана въ десять съ небольшимъ верстъ былъ посвященъ обсужденію вопроса ликвидаціи нашихъ перевозочныхъ средствъ и дорожныхъ вещей.

Широкая равнина въ осеннюю пору была уныла и не радовала глазъ. Безконечныя поля протянулись во все стороны, а сплошной рядъ курганчей и отдѣльныхъ сакль указывалъ на приближеніе къ большому городу. Сады съ виноградниками и фруктовыми деревьями, стоявшіе съ пожелтѣвшею листвою, были обширны. Ряды тополей, шапки шаровидныхъ карагачей и огромные сѣрые стволы чинаръ вырисовывались по мѣрѣ приближенія. Безконечныя дуваны, окружающіе сакли и сады, постепенно начали соединяться, образуя узкую извилистую улицу съ глинобитными постройками туземнаго типа, стоявшими на дворахъ.

Еще немного и открылся городъ съ бѣлѣвшими сквозь растительность домами русской архитектуры.

Остановившись въ номерѣ гостиницы и въ тотъ же день про-

давъ своихъ верховыхъ лошадей за хорошую цѣну, мы направились раньше всего въ парикмахерскую, чтобы привести себя въ порядокъ и, лишь сбривъ отросшія бороды и постригшись, приняли прежній видъ.

Продолжительное пребываніе среди дикой, безъ всякихъ культурныхъ удобствъ, обстановки походной жизни давало себя знать и невольно являлось постоянное желаніе присѣсть на полъ, а стулья, отъ которыхъ достаточно отвыкли, казались до крайности неудобными для сидѣнія.

Суতোлка же городского движенія на улицахъ быстро насъ утомила и казалась какою-то странною и безтолковою.

Ярко освѣщенный вокзалъ желѣзной дороги съ массою сидѣвшей въ залѣ публики наглядно подчеркнулъ, что мы находимся уже среди культурныхъ условій.

Громкіе свистки локомотивовъ, грохотъ поѣздовъ, такъ сильно разнился отъ дикихъ суровыхъ картинъ горной страны, еще такъ недавно развертывавшихся передъ нашими глазами.

Бездонныя пропасти, ледники, снѣговыя шапки горъ, дикія ущелья, темные недоступные скалистые обрывы, своеобразная растительность, быстрыя рѣки съ шумными водопадами — все это вставало въ памяти, смѣняя другъ друга, а среди всего этого вспоминались тихіе трудолюбивые люди, живущіе совершенно особою иною жизнью, — честные, правдивые, неиспорченные и глубоко вѣрующіе, но подавленные страшнымъ гнетомъ бухарской администраціи.

И какъ-то сразу они сдѣлались такими близкими, что захотѣлось непременно увидѣться съ ними въ будущемъ вновь, въ другихъ условіяхъ жизни, всѣмъ довольными, прославляющими Великую Россію и относящимися съ полными симпатіями къ русскимъ, какъ давшимъ имъ просвѣщеніе и выведшимъ ихъ изъ тяжелаго безправнаго положенія рабовъ эмира Бухары благородной.

Д. Логофетъ.

